

АНТИГОНА И КРЕОНТ

По нас ДУМЧИУС

Вопрос о том, кто прав — Антигона или Креонт — решался много раз, но единогласного решения пока еще нет. Как известно, ответ на этот вопрос бывает тройкий: либо Креонт считается правым, либо Антигона, либо оба они объявляются экстремистами, значит не прав ни тот, ни другой. Для решения этого вопроса очень важен идейный момент, ибо без него решение вопроса останется чисто формалистическим. Поэтому не прав Э. Говальд¹, который в «Антигоне» не хочет видеть никакого идейного контраста, а исходным пунктом драмы считает не какую там идею, а известную ситуацию. Э. Говальд как будто забывает, что в литературном произведении действуют не сами идеи как таковые, а носители этих идей, т. е. люди, которые в своих действиях, поступках и речах показывают, каких идей носителями они являются. Таким образом, исходная ситуация не противоречит идейности, как это вытекает из мыслей Говальда. Но и в отношении идейного содержания «Антигоны» пока еще согласия нет.

Некоторые исследователи в «Антигоне» видят конфликт между природным и государственным правом (напр., Hürzel, Bruhn, Corssen). Антигона отстаивает природное право, а Креонт — государственное. Действительно так и есть, но это только один аспект дела, а другие аспекты, напр., религиозный, у них опускаются из виду. Другие находят в драме конфликт между преданностью к своему роду и государственными интересами (напр., Schmid-Stählin, Geschichte d. griechischen Literatur, В. I. Т. 2, 1934, S. 343 ff.). Это тоже верно. Но и здесь не обращается внимание на другие аспекты роли как Антигоны так и Креонта. Еще другие Антигону считают защитницей религиозных верований, а Креонта — защитником государства (напр., Гегель). Здесь обращается внимание на религиозность Антигоны, но упускается из виду религиозный момент у Креонта. Таким образом, создается впечатление, будто Софокл в этой драме изобразил конфликт между религией и государством.

1. Как видим, все эти мнения односторонние. Но если мы хотим отыскать идеологию обеих сторон, борющихся в этой драме, то следует

¹ E. H o w a l d, Die griechische Tragödie, München, 1930, S. 105.

обратить внимание прежде всего на религиозный и социальный аспекты. Итак, возьмем Антигону. Что касается ее религиозных верований, то многие исследователи уже подчеркивали их древность и примитивность. Ведь сама Антигона ссылается на «неписанные древние божеские законы» (Ант. 450 сл.), которым она противопоставляет людские, значит писанные законы, подчеркивая большую древность божеских законов. Сам Зевс и справедливость ($\delta\iota\kappa\eta$) подземных богов охраняют эти старинные законы, а подземные боги были, как мы знаем, самыми примитивными. Это резкое противопоставление людским законам божеских законов, которые провозглашает Антигона, создает впечатление, что людские законы не охраняемы богами, что боги против них. Вот почему некоторые исследователи сделали вывод, что здесь противопоставляется религия государству. Но они ошиблись, потому что не считались с неизбежной односторонностью речей конфликтующих персонажей. Поэтому понятно, что Антигона говорит о себе, как о девушке преданной божеским законам, и вообще религии, а о Креонте и об его государстве, как о безбожном. Так думает и говорит Антигона, но Креонтово мнение другое, и нам не следует иметь в виду только Антигону и не считаться с Креонтом.

Кстати сказать, и сама Антигона признает, что за ее поступок, который она считает благочестивым, люди ее называют безбожной, значит, что и ее противники, т. е. Креонт, не безбожные люди (921 сл.). Ввиду этого Антигона начинает даже сомневаться в правоте своего дела (924—8 ст.).

Социальные взгляды Антигоны тоже древние, догосударственные, как и ее религия. Она не отвергает государство как таковое, но не считается с его интересами и, когда государственные интересы противоречат ее религиозным взглядам, она без всяких колебаний переходит на сторону религии, и только в конце начинает немножко сомневаться. Опираясь на свои религиозные взгляды, она не делает разницы между врагом родины и тем, кто ее защищает (519 ст.); тот факт, что Полиник ей брат, важнее того, что он в то же время враг родины, иными словами, родовые отношения для нее важнее государственных.

Поэтому не удивительно, что Антигона для оправдания своего поступка в конце концов как аргумент приводит (905 и сл.) древний рассказ матриархальной эпохи о том, что брат важнее мужа и детей, потому что, если муж умрет, остается возможность получить другого мужа и родить других детей, а брата другого, когда родителей уже нет в живых, уже не получить. Правда, этот аргумент по всей вероятности взят из Геродота (3.119), он не совсем пригоден для этого места: у Геродота речь идет о сохранении жизни, а здесь отстаиваются права умершего, так что здесь это рассуждение выглядит софистическим; следовательно, многие ученые это место считают интерполяцией в тексте

Софокла². Но пригодность аргумента определяется не деталями, а самым главным, т. е. тем фактом, что брат считается важнее мужа и детей. Не иначе дело обстоит и с другой цитатой из Геродота в «Эдипе Кол» (337 и сл.), где Эдип приравнивает своих сыновей к египетским мужам, которые сидят дома, а женщины ходят на базар и т. д. Ведь и здесь ситуация не та же: обычаи фиванцев другие, не похожие на египетские; Этеокл и Полиник не сидят дома, занимаясь женскими трудами, а Исмена как раз сидела дома и только теперь пришла к Эдипу с исключительно важной вестью. Так что эта цитата не более пригодна к данной ситуации, чем цитата в «Антигоне», а все таки никто ее не считает какой-то интерполяцией. По-видимому, Софокл и там и здесь хотел процитировать своего друга Геродота, не заботясь о мелочах, которые могли бы оказаться непригодными для данной ситуации. Ведь важность данного места заключается не в том, что Геродотова цитата не совсем пригодна, а в том, что Антигона приводит здесь аргумент социального порядка, отражающий пережиток матриархальной эпохи.

Но здесь возникает вопрос: были-ли еще живы матриархальные пережитки в Афинах 5 века до н. э.? Не оказался-ли рассказ о важности брата для афинян 5 века таким же странным, как и для филологов 19 и 20 веков? Ответ на этот вопрос нетруден: в Афинах 5 века существовал хоть один пережиток матриархальной эпохи, а именно почеть, оказываемая матерям. Что существовали и другие пережитки, показывают нам Эсхилевы «Эвмениды». Эсхил вряд ли осмеливался придать эриниям такие пережиточные аргументы, если бы он думал, что для афинских зрителей они будут непонятны и странны. Кроме того в других частях Греции было еще больше таких пережитков, ведь в некоторых областях дети назывались не по отцу, а по матери!

Все это показывает, что Антигона пропитана древней, родовой идеологией, что она, исходя из своих примитивных религиозных и социальных взглядов, борется против государственной идеологии, отстаиваемой Креонтом. А теперь перейдем к Креонту.

Креонт отстаивает права государства. Это всем известно. Возникает только вопрос: какой он правитель — хороший владыка или жестокий тиран. Многие исследователи видят в нем только жестокого тирана, но такое понимание односторонне. Прежде всего Креонт — это положительный властитель. Уже его программная речь показывает, какие благочестивые намерения питают Креонта (175 и сл.): сначала он подчеркивает, что только власть способна показать человека таким, каким он действительно есть. Потом он переходит к самому важному делу — к преданности своей родине; в этом отношении он изображает себя бескомпромиссным — родина для него превыше всего, выше друзей,

² Schmid-Stählin, op. cit. p. 355, 2.

выше популярности; лишь тот может стать его другом, кому родина выше всего. Кое-кто скажет, что это пустые фразы, ибо действительность показывает Креонта жестоким, пылким и т. д. На самом же деле Креонт поступает именно так, как он говорил в своей программной речи: он осуждает Антигону, хотя она его родственница, он не считает даже со своим любимым сыном только потому, что он, по его мнению, против интересов родного государства. Он осуждает деньги, считая их самым большим злом в мире. Вот эта черта его характера как раз показывает, что Креонт не тиран, ибо жажда денег, по мнению народа, была одной из самых выразительных черт тирана. Правда, Креонт не был избран народом, но власть ему передана была по закону. Да и он сам чувствует себя как будто бы избранным (670 ст.) горожанами на свой пост.

К этим положительным чертам надо прибавить еще религиозность Креонта. Как все действующие лица, так и он верит в богов, молится им, чтобы ему помогали. И боги те же, как и те, к которым обращается Антигона. Все таки функции этих богов разные: боги Антигоны охраняют родовой, догосударственный строй, между тем, как боги Креонта защищают государственный строй. И подобно тому, как Антигона не верит, что боги могли бы стоять за государственные законы, провозглашаемые Креонтом, со своей стороны Креонт не может вообразить, что боги побудили Антигону к преступлению, каковым он считает похороны Полиника (280 и сл.). Ему просто немыслимо, что боги защитили бы Полиника, который хотел сжечь их храмы, опустошить их землю, ибо Креонт, как и все другие, верит, что его родина принадлежит богам, ее защитникам. Он не верит и Тиресию, ибо и он, как Антигона, утверждает, что боги стоят за Полиника. Вот почему самый трагический момент его жизни пришел тогда, когда ему неожиданно стало ясно, что боги против него.

Говоря о религиозных взглядах Креонта, надо подчеркнуть еще один момент. Когда Тиресий сказал, что куски тела Полиника, поднятые птицами, осквернили алтари богов и тем самым вызвали гнев богов против Креонта, этот последний, опровергая слова жреца, высказывает свою твердую уверенность, что никто из людей не в состоянии осквернить богов (1043 и сл.). Эта неожиданная мысль показывает, что взгляды Креонта по сравнению со взглядами Антигоны более прогрессивны не только потому, что государственный строй, который отстаивает Креонт, более прогрессивен, нежели государственный строй, защищаемый Антигоной, но и потому, что религиозные взгляды Креонта вообще более прогрессивны, чем религиозные взгляды Антигоны.

С другой стороны у Креонта мы видим несколько пороков, которые оскверняют его хорошие черты. Самый большой порок — вспыльчивость; она влечет за собой другие пороки, напр., легкомысленность; из-за

этих пороков Креонт делается иногда похожим на тирана: он необдуманно выносит решения, легкомысленно преувеличивает свои высказывания и т. д. Так, напр., он называет Антигону рабыней (479 ст.), утверждает, что город принадлежит властителю (738 ст.), слишком легкомысленно обрушивается на Тиресия с бранью, необдуманно называет хоревтов сумасшедшими (281 стр.) и т. д. Если все эти и подобные легкомысленные высказывания взять дословно, все эти вспыхивающие преувеличения считать обдуманными утверждениями, тогда получается образ жестокого тирана, который ни с кем не считается, не принимает во внимание никаких советов, все решает своевольно и т. д. Но если иметь в виду, что это только пороки, которые не в состоянии уничтожить хорошие черты властителя, тогда мы получим положительный образ царя, во многом похожего на «Эдипа царя», но действующего в разной ситуации. Ведь и Креонт и царь Эдип благочестивые властители, бескомпромиссно защищающие свой город-государство, но оба они не забывают о своих личных делах; у обоих те же пороки: пылкость, легкомысленные поступки, но ситуации разные: Эдип царь ищет выхода из невыносимых бедствий, которые постигли город, а Креонт владеет городом, только что победившим своих врагов.

Из всего этого выходит, что в данной драме мы находим два положительных лица — Антигону и Креонта: Антигона действует, опираясь на примитивную догосударственную идеологию, а Креонт — на более прогрессивную государственную. Оба они переживают трагедию — Антигона умирает, а Креонта постигает несчастье. Если теперь спросить, кто прав — Антигона или Креонт, то отвечаем, что Креонт, ибо он более прогрессивен, чем Антигона.

2. Но если Креонт прав, то почему он терпит поражение? А так как его поражение завершает драму, то создается впечатление, что права Антигона, ибо умирая она, побеждает своего противника! Если Креонт прогрессивен, то почему такой финал? Ведь Эсхил иначе завершает свою «Орестею», т. е. с полной победой прогрессивных сил. Неужели Софокл здесь против прогресса? Это немыслимо, ибо первый стасим «Антигоны» как раз воспекает человеческое величие.

Ответ на эти вопросы нам дает драма «Аянт». Ведь там ситуация очень напоминает ситуацию «Антигоны»: Аянт лишил себя жизни; приходит Менелай и запрещает похоронить покойного; Тевкр, брат Аянта, сопротивляется; идет острый спор между Тевкром и Менелаем; на смену Менелаю приходит Агамемнон и спор идет дальше. В конце концов неожиданно появляется бывший противник покойного Аянта Одиссей и уговаривает Агамемнона отказаться от запрещения. Наконец, Агамемнон уступает и соглашается. Аргументы, которыми Одиссей пытается уговорить Агамемнона, двойкие: религиозные и гуманные. Подобно

тому как здесь Антигона, так там Одиссей напоминает властителю, что такое запрещение противоречит богам и *δίκη*. Но Одиссей не опирается ни на неписанные законы богов, ни на подземных богов, а вообще на справедливость богов. Ведь в «Аянте» Агамемнон отстаивает не государство — о государстве там вообще нет речи, поэтому там нет сопоставления двух идеологий, которое занимает столь много места в «Антигоне». Зато в «Аянте» развернуты аргументы другого порядка, т. е. гуманные. Одиссей развертывает мысль о том, что вместе со смертью должна кончиться всякая вражда, всякая ненависть — этого требует гуманность. Вот такие гуманные мысли мы находим и в «Антигоне», и подобно тому, как в «Аянте» эти гуманные мысли высказываются не Тевкром, который защищает права умершего, а Одиссеем, так и здесь, хотя в самом деле, защитницей гуманности является Антигона, но аргументы в пользу гуманности передает Тиресий. Правда, Антигона уже в прологе обращает внимание на жестокость распоряжения Креонта, который запрещает похоронить и даже оплакивать Полиника, и иронически называет царя добрым (26 и сл.). Но сама Антигона поступает тоже дерзко. В отношении Креонта эта резкость понятна и допустима, она как раз показывает твердость характера, бескомпромиссность героини. Здесь виноват Креонт, который своей резкостью спровоцировал Антигону. Но как она обращается со своей сестрой, которая не желает ей ничего плохого! Уже в прологе она относится к ней с вспыльчивостью и с неоправданной резкостью. Еще большую резкость проявляет героиня, когда Исмена пытается принять на себя часть бедствия, которое постигло Антигону. Антигона отвергает все это не только с ненужной резкостью, но и с иронией. И даже тогда, когда она идет на смерть и начинает сомневаться, в отношении хора Антигона не отказывается от резких слов. Поэтому гуманность проявляется не в словах Антигоны, а в ее героическом деянии. Кстати сказать, сам Креонт своей резкостью подчеркивает гуманность поступка Антигоны. Ведь драматической технике Софокла характерно сопоставление контрастов, и подобно тому как твердость Антигоны подчеркивается мягкостью Исмены, гуманность поступка героини повышается контрастным поступком Креонта. Гуманность поступка Антигоны выявляет и Гемон, который рассказывает, как народ осуждает дело Креонта (694 и сл.), как жаль ему Антигоны — все слова Гемона рассчитаны на то, чтобы показать, как гуманно поступила героиня в глазах всего народа. Наконец Тиресий приводит аргументы в пользу гуманности: птицы кусками тела Полиника осквернили алтари богов, значит, жестокость Креонта вызвала гнев богов, а кроме того нет никакого смысла мучить умершего: ведь он уже умер, зачем его убивать? (1029 и сл.). Значит Тиресий хочет сказать то, что в «Аянте» сказал Одиссей: раз человек умер, всякая вражда не нужна, бессмысленна, ибо негуманна.

Таким образом с точки зрения гуманности права Антигона, а Креонт неправ, между тем как с точки зрения общественного строя и его идеологии правым был Креонт. И подобно тому, как положительный герой Креонт имел всякие пороки, напр., вспыльчивость, резкость, так и теперь героиня (положительная!) Антигона проявляет всяческие пороки, напр., вспыльчивость, резкость и т. д. Значит, Креонт и прав и неправ, Антигона — права и неправ!

3. Интересно, какая диалектика у богов, кого они поддерживают. Мы уже видели, что и Креонт и Антигона верят в богов, молятся им и не только думают, что боги поддерживают их, но что боги тоже должны защищать их, своих верных, благочестивых поклонников. Но Тиресий, жрец богов, иного мнения: из всяческих явлений он делает вывод, что боги за Антигону, а тем самым против Креонта. Дальнейший ход действия показывает, что Тиресий прав, ибо Креонт потерпит поражение такое, какое ему предсказал жрец. Антигона опиралась прежде всего на подземных богов, которым принадлежат умершие. Это подтверждает и Тиресий. Известно, что в подземном царстве были и всякие примитивные боги, как напр., Эринии, Титаны и т. п. Поэтому примитивной идеологии Антигоны как раз подходят подземные боги. Но против Креонта не только подземные, но и небесные боги. Тиресий, как мы уже видели, приводит причину их гнева — осквернение алтарей кусками тела Полиника. Значит, они разгневаны из-за жестокости царя, т. е. по гуманным причинам. Таким образом, подземные боги разгневаны потому, что их обидел Креонт, а небесные боги за то, что он поступил негуманно. И так выходит, что с точки зрения богов права Антигона, а не Креонт.

4. Какое же настроение у фиванского народа? Сам народ в драме не участвует, и его настроение придется разгадать из того, что о нем говорят действующие лица драмы. Правда, хор фиванцев изображает народ, но мы знаем, что Софокловый хор слишком тесно связан с драматической ситуацией каждой отдельной сцены и часто меняет свои взгляды и свое настроение, поэтому из его слов нельзя делать выводы о настроениях самого фиванского народа. Таким образом, придется ссылаться на слова других действующих лиц. Возьмем Креонта: в отношении фиванского народа он настроен оптимистически, ему даже немислимо, что народ, интересы которого он защищает благочестиво и бескомпромиссно, мог бы быть против него. Но все-таки он признает (289 и сл.), что в Фивах есть люди, недовольные его властью, которые хотели бы его смести с лица земли. Но это только часть народа, а в своем большинстве народ стоит, по мнению Креонта, за своего властителя. Так как мы знаем, что Креонт ошибся в отношении богов, то и здесь мы не можем ссылаться на его мнение. Что касается Антигоны и Исмены, то их мнение в этом отношении часто меняется. Так, напр., Исмена (44) в прологе говорит, что похоронить Полиника запрещено

городом, значит Креонтово запрещение идентифицируется с мнением города. Но та же Исмена в стихе 46 уже говорит, что Креонт запретил похоронить Полиника, в стихе 59 Креонтово запрещение Исмена называет законом, а через несколько строк уже она говорит о властителе. В стихе 79 Исмена снова говорит, что граждане запретили похороны. Антигона в споре с Креонтом прямо говорит, что все люди стоят за нее, только боятся высказать свободно свое мнение (504 и сл.), и когда Креонт этому не верит, она снова повторяет свои слова (509). Но когда она идет на смерть, уже сама говорит, что поступила вопреки воли граждан (907 βίη πολιτῶν). Из всего этого видно, что Антигона и Исмена хотели, чтобы народ их поддерживал против Креонта, но все-таки они не уверены, что он действительно их поддержит: по-видимому, народ верит в своего царя, который так смело защищает интересы своего народа.

Теперь перейдем к Гемону. Из того, что он рассказывает о настроениях фиванского народа, неизбежно вытекает, что фиванцы поддерживают Антигону. Ведь его аргументация и опирается на эти настроения. Сам Гемон дело представляет таким образом, что он и только он способен узнать, что люди думают о Креонте и об Антигоне. Ведь они боятся царя Креонта, поэтому в присутствии официальных лиц они либо молчат, либо говорят только то, что приятно властителям. Но вот Гемон как частное лицо незаметно следил за ними и услышал то, чего Креонт не может слышать, а именно, что фиванцы за Антигону и против Креонта. Так как царю нужно считаться с мнением народа, а настроение людей из-за осуждения Антигоны не дружественное, то Гемон и предлагает отцу отказаться от своего замысла.

Таким образом, мы могли бы делать вывод, что фиванцы действительно поддерживают Антигону и только Антигону. Но дело в том, что Гемон влюблен в Антигону. Правда, он этого не скажет своему отцу и говорит так, как будто бы между ним и Антигоной не было никакой любви. Все-таки о том, что он влюблен, мы узнаем из слов Исмены (570); а что Исмена не ошиблась, видно из того, что Гемон, в конце драмы увидев, что Антигона покончила с жизнью, лишил и себя жизни. Но если Гемон влюблен, то значит, что он заинтересован, чтобы спасти жизнь своей любимой; следовательно, мы должны скептически относиться и к его аргументам, которыми он пытается уговаривать своего отца. С другой стороны мы не можем отвергать аргументы Гемона из-за того, что он влюблен, значит заинтересован, ведь и влюбленный человек может говорить правду, в особенности, что Гемон кажется благородным юношей. Таким образом возникает вопрос: искренние ли слова Гемона? Некоторые ученые, напр., К. Фритц (K. v. Fritz), думают, что Гемон искренне заботится об интересах отца и изображает настроение народа таким, каким оно действительно и есть. Такая гипотеза может

оказаться правдоподобной; ведь Софокл идеализирует своих героев и поэтому неудивительно, если Гемон думает как раз то, что он говорит, а именно, что интересы отца стоят выше его личных интересов. А если так, то и его рассказ о настроениях народа соответствует действительности. Но против такой гипотезы можно привести следующее возражение: если Гемон говорит искренно, то почему он уже с самого начала диалога с отцом отрицает свою заинтересованность в своей личной любви (635 и сл.)? Ведь он влюблен в Антигону — это сказала Исмена, это знает Креонт и все прочие люди. Так почему же он этого не признает тогда, когда отец сам об этом спрашивает? Неужели он на сей раз забыл о своей любви и заботится только о Креонте, который намерен убить его любовь? Психологически это не мыслимо, и Софокл, изображая влюбленного Гемона в полном забвении своей любви, сделал бы большую психологическую ошибку, которую мы не в праве ему приписать. Правда, психологизм Софоклу чужд, но здесь идет речь о самом элементарном факте любви, а что поэт все-таки понимает, что такое любовь и знает ее силу, можно заключить из следующей песни хора (781 и сл.), в которой как раз говорится о силе любви. Поэтому, если Гемон был бы искренним, он сразу же признал бы свою заинтересованность в своей любви. Но почему он этого не признает? Понятно, что Антигона ничего не говорит о своей любви: унижительное положение женщин в тогдашних Афинах этого не позволило бы делать. Но иное дело с Гемоном; говоря откровенно с отцом об интересах своей любви, он не шокировал бы никого! Так почему он этого не делал? По-видимому, он боялся сказать правду своему отцу. Ведь он знает своего отца, его принципиальность, бескомпромиссность, его вспыльчивость и другие как хорошие, так и плохие черты его характера. И если бы он сказал ему правду, сразу же испортил бы свое дело: узнав, что сын свои собственные личные интересы ставит выше всего, он даже не вступил бы в разговор по поводу Антигоны. Поэтому сын прибегает к хитрости: отрицая перед глазами отца свою заинтересованность в своей личной любви, он представляет дело так, как будто бы весь народ поддерживает Антигону, и поэтому заботясь о судьбе отца, он счел нужным предупредить его об опасных настроениях людей. И надо сказать, что Гемон так ловко проводит свой обман, так терпеливо замалчивает каждый намек отца о его невесте, что у каждого читателя неизбежно создается впечатление, что сын искренно заботится о судьбе отца, забыв свои личные любовные дела. И когда хор начинает песню с похвалой любви, у нас возникает вопрос: причем же здесь любовь? Ведь о ней ни слова не сказал Гемон, а если о ней говорит Креонт, то мы знаем, что это клевета! И все-таки это не клевета и не ложь: ведь слова хора «этот спор» (τὸ δὲ νῦν ἔστι

793 ст.), как показал В. Кранц³ исследуя песни хора в греческой трагедии, указывают как раз на только что окончившуюся сцену. Эти слова хора нам дают еще один аргумент в пользу того, что Гемон говорил неправду. Но если это так, то и рассказ Гемона о настроении народа мы считаем вряд ли соответствующим действительности.

Из всего этого вытекает, что настроение Фиванского народа неизвестно — вероятно оно колеблется: иногда народ поддерживает Креонта, как энергичного властителя, а иногда сочувствует Антигоне, когда Креонт поступает негуманно. Но так как сцена с Гемоном создает впечатление (хотя может быть ложное!), что народ стоит за Антигону, то мы должны сделать вывод, что Софокл хотел создать именно такое впечатление, будто бы народ поддерживает Антигону. Ввиду того, что и боги стоят за Антигону, можно утверждать, что сам Софокл стоял за Антигону, как носителя гуманности. По-видимому, замысел поэта был показать победу гуманности над жестокостью, резкостью. Антигона, которая представляет гуманное дело, погибает, но зато Креонта постигает большое несчастье: в конце драмы он остается одинок в своем бедствии; против него не только Антигона, но и Тиресий, и боги, а в известной степени и фиванский народ.

5. Но если по замыслу поэта Антигона должна оказаться правой, то тем самым ее противник Креонт должен быть отрицательным персонажем. Но, как мы уже видели, это не так: и у Креонта, и у Антигоны много пороков, но главным образом оба они положительны. Дело в том, что Софокловы персонажи очень сложные — у них положительные черты почти выравняются отрицательными чертами, и наоборот. Но в конце концов у них положительные черты несколько сильнее отрицательных. Все-таки большинство исследователей, исходя из того, что гуманная сторона в драме побеждает, делают вывод, что Креонт отрицательный герой, что он жестокий тиран. Прежде всего они ссылаются на сцену с Гемоном, в которой находятся такие тиранические мысли, как, например, мысль о том, что город не должен указывать царю, что ему нужно делать (734), что город есть собственность царя (738), и подобные. Но мы видели, что есть основание сомневаться в искренности Гемона. А как со словами Креонта? Очевидно, Креонт уверен в том, что Гемон его хочет обмануть и как средство для этого обмана применяет мнимое настроение народа. Поэтому на обманчивые слова сына он отвечает тоже несерьезно, преувеличивает свои мысли, высказывает то, чего он обычно не высказывал бы. С этой точки зрения отпадают самые важные аргументы в пользу Креонта-тирана. И так остается хороший царь Креонт, который несомненно имеет всякие пороки — между

³ Stasimon, 1934, pass.

прочим и такие как вспыльчивость и резкость, из которых вытекают тираннические черты его характера.

6. Возникает еще один вопрос: почему Софокл сделал своих персонажей такими сложными? Очевидно, что он, как великий поэт, был тем самым и реалистом, а будучи реалистом, изображал людей реалистически. Действительно люди были наделены всякими чертами — как хорошими, так и плохими, — и если Софокл сотворил персонажей, в которых все-таки преобладают положительные черты характера, то это и значит, что он изобразил людей такими, какими они должны быть. Что же касается характера Антигоны, в котором переплетаются примитивные верования с прогрессивными гуманными чертами, то и здесь Софокл был реалистом. Ведь в действительности так и было: даже и в эпоху государственного строя в сознании людей осталось много пережитков древних времен, например, всякие религиозные взгляды, и когда новые социальные отношения принесли соответственно новые прогрессивные идеи, они переплелись со старыми верованиями. Вследствие этого, иногда возникал конфликт между старыми и новыми взглядами, например, когда интересам государства сопротивлялись древние верования. Мы, правда, мало знаем о таких противоречиях, какие изображены в «Антигоне», но все-таки можем привести хоть один пример подобного рода. Это случилось в 406 году, когда после удачной битвы под Аргинусами афиняне приговорили к смерти вождей афинского флота лишь потому, что последние вследствие страшной бури не смогли похоронить своих умерших. Так религиозные пережитки древних времен пагубно отражались на интересах государства.

Сентябрь, 1967 г.

ANTIGONĖ IR KREONTAS

Jonas DUMČIUS

Re z i u m ė

Antigonės pažiūros labai primityvios; jos religija remiasi daugiausia mitologiniais požemių dievais, į valstybę ji visiškai neatsižvelgia. Jos argumentai 905 ir sek. eilutėse primena senovinius matriarchato laikus. Tuo tarpu Kreontas atstovauja valstybei. Taigi Kreonto pažiūros, palyginti su Antigonės pažiūromis, yra progresyvesnės, taip pat pažangesnės (plg. 1043 ir sek. eil.) religinės jo pažiūros. Bet Sofoklis stovi Antigonės pusėje, nes ji, nors ir būdama primityvių pažiūrų, kovoja už humaniškumą. („Ajantas“ rodo, kad Sofokliui kaip tik rūpėjo humaniškumas.) Ir dievai nusistato prieš Kreontą todėl, kad jis nusikalsta humaniškumui.

Neaišku, ką apie tai galvoja tebiečių tauta: choras neatstovauja tautos nuomonei; Kreontas ir Antigonė mano, jog dievai stovi jų pusėje, bet pripažįsta, kad bent dalis tautos yra nusistačiusi prieš Kreontą (atitinkamai ir Antigonę). Haimono žodžiais negalima pasitikėti, nes jis, būdamas įsimylėjęs Antigonę, tariamą tautos nusistatymą panaudoja kaip priemonę paveikti tėvui. Greičiausiai tauta svyruoja tarp Kreonto ir Antigonės.

ANTIGONE UND KREON

JONAS DUMČIUS

Zusammenfassung

Die Anschauungen der Antigone sind sehr primitiv: ihre Religion gründet sich hauptsächlich auf die primitiven unterirdischen Götter, der Staat spielt für sie keine Rolle und ihre Argumente (905 ff.) weisen sogar auf die mutterrechtliche Epoche hin. Kreons Anschauungen dagegen sind mehr fortschrittlich. Das gilt auch für seine religiösen Anschauungen (vgl. 1043 ff.). Und doch steht Sophokles auf der Seite der Antigone, weil sie neben ihren primitiven Anschauungen zugleich auch das fortschrittliche Prinzip der Humanität vertritt. (Dass Sophokles für die Humanität steht, zeigt „Aias“.) Darum sind auch die Götter gegen Kreon, weil er gegen die Humanität verstösst.

Was das thebanische Volk darüber meint, ist nicht klar: der Chor repräsentiert keineswegs die Meinung des Volkes; Kreon und Antigone glauben, dass das Volk zu ihrer Seite stehe, wenn auch beide zugestehen, dass ein Teil des Volkes gegen Kreon — bzw. Antigone — gestimmt sei. Den Worten Haimons kann man nicht zutrauen, da er aus Liebe zu Antigone das vermeintliche Wohlwollen des Volkes gegenüber Antigone als ein Mittel benützt, um den Vater zu überreden. Wahrscheinlich schwanken die Sympathien des Volkes zwischen Antigone und Kreon.